



означало серьёзный шаг в формировании правовых основ продовольственной безопасности.

Документы, прежде имевшие гриф „совершенно секретно“, подтверждают, что в хлебозаготовительной кампании 1927/28 года в государственные резервы по плану было намечено заложить 50 000 000 пудов хлебопродуктов, но удалось всего 24 млн пудов [15].

В феврале 1928 г. СНК Союза ССР утвердил новую редакцию положения о постоянном государственном хлебном фонде. Он являлся переходящим из года в год запасом, предназначенным для удовлетворения потребностей населения в продовольствии, фураже и семенах в случае неурожая или других бедствий; удовлетворения чрезвычайных потребностей государства в хлебе и фураже; устранения перебоев в снабжении хлебом и фуражом потребляющих районов; регулирования хлебных цен, в случаях чрезмерного их повышения, путём выпуска на рынок части фонда. Следует добавить, что в постановлении были предусмотрены и технические меры, обеспечивавшие оперативность использования государственных резервов на всей территории страны [16, ст. 49].

Отметим, что уже в эти годы было представление о необходимости системного подхода к решению задачи. Понималось, что „хлебную проблему нельзя разрешать изолированно, вне оценки хозяйственной конъюнктуры в целом, темпу развития сельского хозяйства должно соответствовать восстановление промышленного производства, строительства и транспорта, расширение товарооборота, кредита и денежного обращения“ [17, 46].

Поэтому серьёзное внимание уделялось и восстановлению железнодорожного транспорта, в первую очередь для хлебных перевозок [18]. С 1923/24 г. началась реализация пятилетнего плана восстановления и развития речного флота [19]. Во многом была решена проблема складских помещений, особенно специальных. Так, к 1927/28 г. было построено 211 элеваторов, началось строительство 46 холодильных сооружений [20]. В 1925 г. был создан первый крупный хлебозавод, в 1927 г. началось строительство первых мясокомбинатов, беконных фабрик и т. д. [21].

Всё это убедительно свидетельствует о том, что в 1920-х гг. в СССР были заложены методические, правовые и материальные основы для решения проблемы продовольственной безопасности. Это обстоятельство, по сути, ещё одно обвинение сталинскому руководству, допустившему, при всём этом, новый голод 1933 г.

К сожалению, важнейшая народнохозяйственная задача не была решена. В конце 20-х годов пришлось отказываться от рыночных регуляторов, срочно вводить чрезвычайные меры в заготовках, объявлять год „великого перелома“ и переходить к неподготовленной, поспешной коллективизации. Всё это разрушило производительные силы деревни, но виновным за хозяйственные провалы был назначен „кулак“.

Выявление и анализ причин последовавшего разрушения хозяйственного баланса и перехода к чрезвычайным методам управления требуют дальнейшего исследования советского опыта

решения сложнейшей народнохозяйственной проблемы, что, безусловно, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение.

1. Оболенцев И., Корнилов М., Синюков М. Продовольственная безопасность // *Экономист*. – М., 2005. – № 12.
2. Кимитака М. Сельская хлебозапасная система в России 1864–1917 годы // *Отечественная история*. – М., 1995. – № 3.
3. Кузин В.Н. К постановке проблемы продовольственной безопасности в СССР: историко-правовой аспект // *Вестник Поволжской академии государственной службы*. 2009. – № 2.
4. Дубровский С. Революция и крестьянское хозяйство // *Сельское и лесное хозяйство*. – М., 1922. – № 1–2.
5. Опыт исчисления посевных площадей и с.-х. продукции в 1913–21 гг. // *Сельское и лесное хозяйство*. – М., 1922. – № 9–10.
6. Кондратьев Н.Д. Относительное падение хлебных цен / *Избранные сочинения* / *Ред. колл. Л.И. Абалкин и др.; Сост. В.М. Бондаренко, В.В. Иванов, С.Л. Комлев и др.* – М., 1993.
7. *Сборник постановлений, распоряжений и приказов по народному хозяйству за июнь 1923 г.* – № 6.
8. *Сборник декретов, постановлений и приказов по народному хозяйству за январь 1924 г.* – № 4 (16).
9. *Вестник статистики. Октябрь-декабрь 1924 г. Книга XIX. № 10–12.* – М., 1924.
10. *Наше внешнее и внутреннее положение* / *Сост. В. Глыбов*. – М.: *Красная новь*, 1924.
11. *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. 1924–1930.* – М., 1954.
12. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В пяти томах. Т. 1. 1917–1928 годы.* – М., 1967.
13. *Собрание Законодательства Союза ССР. 1927. № 5.*
14. *Собрание Законодательства Союза ССР. 1927. № 24.*
15. *Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1937–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1. Май 1927–ноябрь 1929* / *Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы.* – М., 1999.
16. *Собрание Законодательства Союза ССР. 1928. № 14.*
17. *Виноградский Н.Н. Хлебная проблема (Замысел и выполнение. 1923–1926 гг.)* // *Плановое хозяйство*. – М., 1925. – № 10.
18. *Белонов С. Речной транспорт и перспективы его планирования* // *Плановое хозяйство*. – М., 1924. – № 7–8.
19. *Белонов С. Проблема грузооборота по перспективному плану железнодорожного транспорта на пятилетие 1923/24–27/28 гг.* // *Плановое хозяйство*. – М., 1924. – № 6.
20. *Шальт В.И. Развитие хлебооборота в СССР / Хлебооборот и элеваторно-складское хозяйство.* – М., 1957.
21. *Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР.* – Л., 1964.

С. Н. Кунев

ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА МОРДОВИИ К ПОЛИТИКЕ СВЕРТЫВАНИЯ НЭПа В ДЕРЕВНЕ



1927 – 1928 гг. стали отправным пунктом, с которого начался процесс свертывания НЭПа в советской доколхозной деревне. С этого времени все более значительную роль при реализации аграрной политики стали играть “чрезвычайные меры” и, естественно, что это не могло не вызвать решительного противодействия со стороны крестьянских масс. Благодаря довольно оперативной и объективной информации с мест, которую давали органы ОГПУ, руководство Советского Союза было прекрасно осведомлено об изменении настроения в деревне. В ответ на нарастание давления крестьяне уже не ограничивались критическими высказываниями в адрес властей, а перешли к конкретным действиям, среди которых были избиения и убийства партийных и советских активистов, поджоги колхозного имущества, массовые акции протеста и т. д.

Анализ перспектив государственных хлебозаготовок на 1929 г. на территории Мордовии показал, что ряд сложившихся объективных обстоятельств (дефицитность зерновых культур, влияние соседних потребляющих регионов, отсутствие товаров в потребкооперации, разрыв цен, а также перегибы в предыдущие хлебозаготовки) будет препятствовать их выполнению. Выход, как и в предыдущем году, был найден в ужесточении репрессий, как в отношении крестьян, так и местных руководителей за невыполнение государственных заданий по заготовкам хлеба. Этого прямо требовали в своих многочисленных директивах высшие партийные органы [1, 679-680, 691-692, 695-699].

Уже к 3 ноября 1929 г. годовое задание по продовольственным культурам в Мордовии было выполнено на 105%. Вместе с тем по линии ОГПУ из деревни было “изъято” больше 400 чел., по статье 61 УК РСФСР привлечено к ответственности 950 крестьянских хозяйств (0,37% от всех хозяйств округа) [2, 118]. В течение только октября Окружным судом рассмотрено 19 дел по статье 58 УК РСФСР. Привлечено по этим делам 81 чел., из них 77 осуждено (в т. ч. 17 к расстрелу) и 4 оправдано. Среди осужденных 49 чел. были из различных групп крестьянства, при этом лишь 7 относились к “кулакам” [3, 121].

В ответ на репрессии в Мордовии участились случаи террора по отношению к отдельным работникам местного актива (угрозы, избиения, убийства и поджоги). При этом четко прослеживается их рост по мере усиления темпа хлебозаготовок: в июле был 1 террористический акт, в августе – 12, в сентябре – 35, в октябре – 45 и в ноябре – 18 [4, 41] (всего за 5 месяцев – 111). Всего с начала 1929 г. и по конец ноября в округе было зарегистрировано 155 “террористических” проявлений [3, 114]. Для сравнения, по данным ОГПУ, в Чувашской АССР было зафиксировано с июля по ноябрь 10 антисоветских проявлений, а в Марийской АО – 6 [1, 743].

Недовольство сложившейся ситуацией в деревне и методами решения назревших проблем высказывали представители практически всех слоев крестьянства Мордовии от бедноты до зажиточных. Безоговорочно против были представители “кулацко-зажиточной верхушки”, постепенно менялось в сторону откровенной враждебности поначалу терпеливое отношение середнячества,

отсутствовала безусловная поддержка и со стороны батрацко-бедняцких слоев деревни, считавшихся союзниками советской власти.

Настроение крестьянской массы в этот период можно проследить по докладным запискам и спецсводкам ОГПУ за июль – ноябрь 1929 г. в связи с вооруженным конфликтом на КВЖД и с хлебозаготовительной кампанией. Факты, изложенные в них, говорят о поразительном единодушном неприятии внутренней политики руководства страны представителями различных слоев деревни Мордовского округа. Надежда на скорую войну с Китаем и капиталистическими странами, на изменения в политическом строе СССР красной нитью проходит через основную массу высказываний крестьян, приведенных в данных документах.

Приведем только несколько выдержек из таких документов. “Война с Китаем уже началась, и китайские войска заняли у нас два города, скорее бы нашу сволочь передушили” (зажиточный крестьянин В. Преведенцев из с. Андалово Зубово-Полянского района); “Советская власть, это не власть, а грабилька” (середняк, член сельсовета В. Юртаев из с. Старые Пиченгуши Ельниковского района); “Советская власть грубо ошиблась. Во время гражданской войны, несмотря на то, что красноармейцы были голодные и босы, но сумели отразить врага. Это потому, что крестьяне чувствовали себя свободными людьми, а теперь возьмем настроение крестьянских масс, то, пожалуй, что Советская власть окажется как дупляное дерево” (середняк Г. Тудялкин, инвалид гражданской войны из с. Кечушево Ардатовского района); “Советской власти подходит крах. Во всем ощущается недостаток, как, например: нет никаких товаров, ни продуктов. Власть берет от крестьян последний хлеб. В случае если вспыхнет война, то наступит конец коммунистам и Советской власти” (колхозник П. Череншаев из с. Левжа Рузаевского района); (С. Лыков, середняк, командир Красной Армии в запасе из с. Лада Ромодановского района) “Если будет война, то часть, которую мне дадут, вся будет идти против коммунистов и советской власти”; “Если будет война, то я в первую очередь порежу коммунистов, сколько успею” (бедняк П. Потапкин из с. Мордовские Парки Краснослободского района) [5, 84, 116, 166, 266].

Необходимо отметить, что местные органы власти нередко были против непосильных хлебозаготовок и репрессий. Во время проведения основных мероприятий на селе (хлебозаготовки, займы, самообложение, налоги, весенняя и осенняя посевные кампании) за период с 1 апреля по 10 октября 1929 г. только по 9 районам были сняты 113 председателей сельсоветов, из них 61 (54 %) “за связь с кулачеством”; членов сельсоветов по 6 районам – 308 чел., из них “за связь с кулачеством” 218 (70,8 %) [6, 120].

Своеобразно пытался решить вопрос о хлебозаготовках председатель Вертилимского сельсовета Старошайговского района Новиков. Он и местный учитель Тутаров выступили на собрании граждан села инициаторами ходатайства перед вышестоящими органами о переходе сельсовета в один из районов вновь организуемой Нижегородской области. Главной причиной послужило следующее: в этом регионе не велось



хлебозаготовок, “а в Мордовском округе с каждым годом хлебозаготовки все увеличиваются” [5, 225]. Несогласие со взятой руководством ВКП(б) линией в сельском хозяйстве и методами проведения хлебозаготовок (“правый уклон”) высказывалось и в ряде районных парторганизациях Мордовского округа [7, 26].

Необходимо отметить, что в указанный период крестьяне еще не были доведены до такой степени возмущения, которая заставила бы многих из них подниматься на борьбу с советской властью. Причина, очевидно, в том, что в указанное время государственное насилие все-таки еще не было направлено на коренное изменение всей жизни села после перехода к сплошной коллективизации с конца 1929 г. У большинства же сельских жителей еще теплилась надежда на то, что руководство страны вернется к провозглашенным принципам НЭПа и будет учитывать в своей политике и их интересы.

1. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939 гг. : док. и материалы : в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. – М., 1999.*
2. *Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). – Ф. 326-П. – Оп. 1. –Д. 551.*
3. *ЦГА РМ. – Ф. 326-П. – Оп. 1. –Д. 621.*
4. *ЦГА РМ. – Ф. 326-П. – Оп. 1. –Д. 554.*
5. *ЦГА РМ. – Ф. 326-П. – Оп. 1. –Д. 614.*
6. *ЦГА РМ. – Ф. 326-П. – Оп. 1. –Д. 555.*
7. *ЦГА РМ. – Ф. 326-П. – Оп. 1. –Д. 562.*

О. В. Латишева

ОСОБЛИВОСТІ ЗДІЙСНЕННЯ ОКЛАДНОГО СТРАХУВАННЯ В СІЛЬСЬКОМУ ГОСПОДАРСТВІ УСРР (1928-1933 рр.)

Теорія і практика радянської страхової справи кінця 20-х рр. вирізнялася наявністю концептуальних моделей реформування системи державного і кооперативного страхування, прикладних рекомендацій, інструкцій, пропозицій щодо перегляду норм, тарифів, принципів страхування окремих галузей сільськогосподарського виробництва. Спостерігалось організаційно-номенклатурне протистояння Укрдержстраху та „Коопстраху”, хоча обидві установи представляли дві форми єдиної радянської системи страхування.

На сторінках фахових журналів друкувалися статті, які висвітлювали суперечливі тенденції розвитку. Так, О. Галін писав про деструктивні спроби УСРР та РСФРР „розбити єдність державного страхування”, тому що їхні проекти розбудови перешкоджали „загальносоюзним операціям” [1, 28]. Довкола взаємин республіканських та союзних страхових органів точилися гострі дискусії, про що свідчать публікації тих років – В. Потоцького [2], А. Кагановича [3]. Авторами були переважно чиновники Держстраху. Зокрема, Е. Розенталь розмірковував над перспективами державного страхування – обов’язкового і добровільного в промисловості та сільському господарстві [4, 5]. Аналізуючи особливості сільського окладного обов’язкового страхування, він спростовує погляди деяких працівників Держстраху стосовно

„тимчасовості” цього принципу страхових операцій. Добровільне страхування на селі, на його думку, було збитковим, яке не знаходило зацікавлення серед селян, а обов’язкове характеризувалося неухильним зростанням норм забезпечення – від 60% до повної вартості майна селянських господарств [4, 8]. Дехто вважав, що підвищення норм повинно було стимулювати добровільне, але вони лише зміцнювали позиції обов’язкового страхування. Він не оминув класового принципу, якому більше пасувало обов’язкове страхування. „Як забезпечити майно тих найбідніших прошарків селянства, – наголошував Е. Розенталь, – які самотужки неспроможні страхувати своє майно, як перекласти усі платежі або частину цих платежів на більш заможну частину селянства?” [4, 9]. Обов’язкове страхування було відверто класовим, тому що його нав’язували заможним селянам, відтак принцип добровільності втрачав своє функціональне значення. На засадах обов’язкового страхування ефективніше було проводити принцип універсальності відповідальності за збитки від усіх випадків стихії, навіть від неврожаю. Такою була його позиція.

Інший чиновник Держстраху С. Жебрівський писав про ті запальні дискусії, які точилися довкола організаційної реформи страхового апарату в сільських районах, але завершилися його збереженням, хоча повноваження по реєстрації об’єктів і збору платежів були передані виконавчим органам влади на місцях [5]. В Україні збором платежів займалися не райвиконкоми, а структурні підрозділи Держстраху – агенти страхування. Суттєво вирізнялися умови і правила кооперативного страхування в Україні, про які писав І. Личко в одній із праць [6]. Особливості здійснення обов’язкового сільського страхування в РСФРР показав В. Міндовський, брошура якого з’явилася у 1927 р. [7]. Історія української системи державного страхування висвітлювалася навіть в офіційних звітах, які видавалися у вигляді аналітичних праць з узагальненням основних етапів її становлення [8]. Публікації прикладного спрямування враховували досвід роботи попередніх років. Наприклад, В. Потоцький, аналізуючи нові страхові правила, згадав місяць і рік їх впровадження, підкресливши консервативність правил добровільного страхування, які не змінювалися з 1922/23 р. [8, 26]. Таким чином, враховуючи ступінь наукового вивчення обраної нами для дослідження теми, автор статті ставить за мету проаналізувати особливості здійснення окладного страхування в сільському господарстві УСРР 1928-1933 рр.

Завданням державного страхування майна сільського населення було найбільш повне відшкодування вартості будівель, худоби, зернових культур, які зазнали ушкодження від стихійного лиха. Вони підлягали окладному обов’язковому страхуванню, хоча велика рогата худоба та посіви від градопобиття страхувалися за рішеннями окружних виконкомів. Страхове забезпечення не перевищувало у 1927/28 р. 30% вартості застрахованого об’єкта, але для господарств, які мали міцну економічну базу, дозволялося додаткове і добровільне страхування у межах 75% вартості майна [10 27]. Право окрвиконкомів визначати страхові об’єкти, тобто посівні культури чи робочу